

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ

ЛАВА

РАССКАЗ

1

Лет в четырнадцать Илья Фомин уже начал строить планы на будущую жизнь. Он ещё не знал, какая она получится, но был твёрдо убеждён, что так жить, как живут его родители, он никогда не будет. “Не буду жить как они... — с упрямой настойчивостью твердил он сам себе. — Не буду...”.

На такие размышления наводила родительская коммунальная квартира. В ту пору у семьи Фоминых была даже не квартира, а всего лишь комната, или, как называл её полупутя юный Илюша — “жилплощадь со всеми неудобствами”. Небольшой и потому тесный четырёхугольник... всю мебель составляли две кровати, комод, шкаф и обеденный стол. Стол этот был универсальным, на все случаи жизни. За ним обедали, за ним мать по вечерам строчила простыни на старенькой машинке “Зингер”, за ним Илья делал уроки, а отец, сидя напротив, паял радиодетали. Настоящей квартиры ждать было неоткуда, и потому подрастающий Фомин — угловатый, с непослушным ёжиком светлых волос — нетерпеливо считал годы, остававшиеся до призыва в армию. Хотелось побыстрее вырваться не столько из-под родительской опеки, сколько из тошного коммунального быта.

Илья вообще отличался скептицизмом. В школе с цветных плакатов глава государства на фоне кукурузного поля щедро обещал школьникам, что лет через двадцать все будут жить при коммунизме. Но этому Илья не очень-то

МЕЛЬНИКОВ Виктор Семёнович родился в 1948 году в казахском селе Казанка. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии. Работал плотником, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом. Автор девяти книг прозы. Член Союза писателей России. Главный редактор литературно-художественного издания “Коломенский альманах”.

и верил. А уж когда Хрущёва сместили, то и совсем надежда на коммунизм пропала. Новый генеральный секретарь скорого прихода коммунизма уже не сулил. Так что Илье оставалось надеяться только на себя — правого комсомольца.

А планы были такие: вот когда он станет взрослым, начнёт зарабатывать, в первую очередь накопит денег на большую квартиру. А то, может, и на собственный просторный дом со всеми удобствами. И его дети уж точно будут жить по-человечески. Каждому — по комнате. Он сам себе построит коммунизм. Для начала можно остаться в армии на сверхсрочную, раскладывал биографию Ильи, а затем, если понравится, и в военное училище поступить, стать офицером. А уж там будет всё: если не дом, то хорошая квартира, приличная зарплата и, разумеется, жена — его распрекрасная рыжеволосая Лариска. В общем, дело оставалось только за возрастом. И Ильи с нетерпением мысленно подгонял свои дни, недели и годы.

И, наконец, настал тот самый день — с долгожданным перроном в золоте осенних листьев. Кругом — друзья, родственники. Мелькают девичьи лица, звенят стаканы, летят в кусты одна за другой порожние бутылки; то смеются, то плачут пьяные гармошки. А душа его поёт, ликует: прощай, прошлое, прощай, родительский кров! Потом, блестя медью труб, грянул духовой оркестр. Рядом стояла его зеленоглазая симпатия, зарёванная Лариска, и не сводила взгляда с улыбочивого, такого любимого лица.

— Ну, чего ты ревёшь? Прекрати! — чуть небрежно, чуть свысока успокаивал её Ильи. — Не на войну же ухожу!

— Так два года ведь, — всхлипывала девчушка и утирала ладошкой слёзы.

Почему-то именно в тот момент Ильи окончательно ощутил себя и свободным, и взрослым. Хотя истинные уроки мужества были, конечно, впереди. Но в ту минуту, на том перроне его мальчишество отступило, осталось за невидимой чертой.

Вот последний — неловкий и короткий — поцелуй. Вот объятие родителей. Пожатия рук дружков — и Ильи уже на подножке поезда, который навсегда увезёт его из детства. И ощущение чего-то нового, неизвестного нарастало с каждым часом, с каждой новой станцией. Когда же поезд остановился в Ярославле, где ему предстояло служить, Ильи ахнул. Такого чуда он никогда не видал. Город весь светился золотыми маковками церквей. Купола искрились и переливались на солнце, будто по всему городу зажглись свечи.

...В тяжёлых солдатских буднях пролетели два года. Ильи возмужал, повзрослел. И думы его теперь переменялись. Понял он, что все люди — братья, но... не родные. Не прельстила Ильи армейская жизнь с её дедовщиной, жёсткой муштрой и казармами. Но и домой путь был заказан. Лариска, та заплаканная и несчастная, к первому же Новому году прислала Ильи открытку, в которой вместо обычных слов о любви почему-то очень благодарила его за сохранение её девичьей чести. На том всё и закончилось.

Мать потом писала, что девушка уехала в столицу на поиски счастья — артисткой решила стать. Ильи не стал её разыскивать, выяснять отношения. Конечно, было больно потерять возлюбленную, но ещё унижительнее, казалось ему, бегать за предавшей его девчонкой. И Ильи вместо отчего дома подался на заработки в Таджикистан. Жёлтому югу нужны были крепкие русские парни, да и не оставляла Ильи мечта заработать денег на настоящую квартиру или на хороший, новый дом...

2

Небольшой шахтёрский городок встретил его светлыми глинобитными домиками, увитыми виноградом, сладким запахом янтарно-прозрачной алычи и журчанием воды в жёлтых арыках. Над Шурабом жарило дынно-тыквенное солнце, в воздухе висела угольная пыль... Больше всего Ильи поразила истонный ишачий крик, стоявший над городом с раннего утра и до позднего вечера. “Иа, иа, иа...” — хрипел по улице живой клаксон тихходного животного.

Впервые в жизни Илья Фомин спустился под землю, в шахту. Земля только снаружи оказалась твёрдой, а внутри неё текла своя жизнь: бурная, изменчивая. Здесь он узнал, что такое лава*, штольня, штрек, забой, вагонетка и крепёж. И ещё понял, что трудятся там настоящие мужики.

Ему нравилось вгрызаться в угольный пласт, откалывать от отбойником, а то и кайлом крупные, поблёскивающие в свете налобного фонаря куски чёрного золота и швырять их, ещё горячими, на ленту конвейера. За одну смену он перекидывал столько угля, что дома родителям хватило бы на целую зиму.

...В тот день свою норму они отгрузили быстро. Даже бригадир Роцин их похвалил. Лицо у него чернущее, как у всех, но развесёлое, и каска небекрень. А улыбочка белозубая так и сияет на чумазой физиономии.

— Молодцы, ребяташки! На каждого по десять тонн на-гора ушло! — радуется по-ребячьи. Словно этот уголь ему в свой двор отсыпали.

— Ты зубы-то не заговаривай! Крепёжный лес гони! — орёт ему в ответ Илья. Слышно плохо. Лента транспортёра работает вхолостую и отчаянно гремит свободной цепью о днище рештака.

— Ладно, солдат! Всё будет, как в аптеке. Твой лес уже спустили, — мягко улыбается бригадир.

— Что долго? — не унимается Илья, как будто ему больше всех надо. Другие сидят на корточках, курят, пряча сигареты в кулаке.

Роцин улыбается. Ему нравится напористость Фомина. И вообще, нравится этот “солдатик”. Кричит горделиво:

— Так глубина, браток, всё-таки триста восемьдесят! Считай, скоро до центра земли дотянем! — И уже спокойней: — Передохни чуток...

Но договорить бригадир не успел. В тот же момент внизу загрохотало, с гигантской силой дёрнулся тяжёлый транспортёр... Роцина швырнуло в сторону. Фомин тоже не удержался на ногах. В лаве поднялось чёрное облако. Пляшущие лучи фонарей на касках потускнели. А клубы угольной пыли всё густели, поглощая звуки. Транспортёр ещё раз со скрежетом дёрнуло. Цепь забила рывками, и вдруг железо вздыбилось и стало корёжиться.

“Плывун пошёл!” — сердце Ильи оборвалось. Он увидел оседающую кровлю. Тяжёлый пласт глины валялся с жутким грохотом, поднимая всё поглощающую пыль. Это было похоже на сход снежной лавины в горах. Только чёрной, будто негатив. В считанные секунды лава превращалась в шахтёрское кладбище. Всё кругом ухало и пережёвывалось невидимыми великаными зубами. Пыль забивала глаза, и казалось, даже глотка была наполнена ею — сухой и колючей.

— Наверх!.. Все наверх! — откуда-то из глубины забоя сипло, утробно кричал бригадир. Но и без этой команды люди бросали инструмент и, матерясь, бежали к “горизонту”, к центральной шахте, к лифтам. Лава оседала, преследуя их по пятам.

Илья тоже рванулся вперёд, но вдруг из кромешной тьмы за спиной услышал глухой кашель, а затем и крик:

— Помоги-ите-е-е!..

Илья узнал голос бригадира. На мгновенье замер. Потом кинулся на зов. Плотная пыль не позволяла ничего разглядеть. Свет фонаря будто упирался в стену. Фомин рванулся на ощупь, и через несколько метров его ноги уткнулись во что-то мягкое.

Илья сорвал фонарь с каски и осветил под ноги. Бригадир лежал под исковерканным транспортёром. Левая нога была придавлена тяжёлым металлом. Сквозь разорванную брючину торчала окровавленная кость.

— Ни хрена себе! — выругался Илья и, вцепившись руками в рештак, потянул на себя так, что хребет застонал и кровавые круги поплыли перед глазами.

Металлическая лента не поддавалась. Она намертво придавила Роцина, словно пригвоздила к земле.

* Лава — подземная горная выработка с забоем большой протяжённости, в котором производится добыча полезных ископаемых.

— Тяни! Тяни! — сквозь зубы стонал бригадир. — Давай ещё, браток...

Илья тянул, напрягая жилы крепких рук. Но железный капкан не выпускал добычу.

— Что же делать? — пробормотал Илья, разглядывая жуткие металлические тиски.

— Руби ногу!.. Ногу руби!..

— Может, лопатой... подкопать? — Илья судорожно искал другой выход.

— Какая лопата?! Сейчас обоих завалит! — в истерике закричал бригадир. — Руби, я сказал! Чего медлишь? — Глаза его, сверкавшие на чёрном лице, были безумными. — Жить хочу! Понимаешь?

И Илья не вынес, взвыл в отчаянье:

— Не смогу! Я... Не могу...

Тут громыхнуло уже совсем рядом. Илья даже пригнулся, сжался.

— Руби! — умоляюще попросил бригадир. — Ты же солдат. Закрой глаза и руби... Ты не бойся, я сам выползу... Только отсеки мне её, чтобы не держала... — Он откинулся и закрыл глаза.

— Нет! Я лучше кого-нибудь позову, — упавшим голосом произнёс Илья. Он прекрасно понимал, что живых в забое, наверно, уже нет никого. — Ты потерпи, я обязательно кого-нибудь приведу! Потерпи! — Фомин повернулся и побежал наверх.

...Потом в своих снах он много раз будет бежать от этого страшного места, от этого кошмара. Бежать и бежать, спотыкаясь о комья породы, как о свою память...

...Оранжевая каска его давно слетела. Илья двигался машинально, подчиняясь инстинкту. Погасший фонарь бесцельно болтался на шнуре. Илья то и дело натывался на крепёжные стойки. Брёвна падали и сыпали на его крепкое тело обломки горбыля и породы. Но он не чувствовал боли. Он шёл вперёд. Когда силы совсем иссякли, Илья, задышав, упал на колени и всё равно полз, отбиваясь от смерти, в кровь сбивая ноги и руки.

Из последних сил он дополз до резиновой вентиляционной трубы и жадно глотнул ледяного воздуха. Дохнуло жизнью. Но это не прибавило сил. Уже не в состоянии двигаться, он вытянулся, взял в руки фонарь и, включив его, положил перед собой. А где-то позади, в глубине, всё ухала, всё обваливалась, пожирая пространство, взбесившаяся лава.

Фомин чувствовал, что сознание ухлывает, и в последний момент увидал, как впереди замаячили огоньки; услышал голоса. К нему приближались. Спасатели бежали друг за другом. В облаке пыли лучи их фонарей металась, нащупывая что-то осязаемое. Илья хотел подняться на руках и закричать. Но из глотки вырвался лишь хриплый стон. Тогда он покачал фонарём. В руке ещё оставалась сила. Спасатели подхватили его и понесли к лифтовой шахте. И вдруг до Ильи из обвалившегося забоя донёсся слабый крик, даже не крик, а стон — последний предсмертный зов:

— А-а-а-а...

Но Илья ничего не сказал спасателям про бригадира.

...Через месяц, выписавшись из больницы, Фомин наотрез отказался выйти на работу. Несколько недель, поминая погибших, он пропывал с друзьями накопленные на квартиру деньги. И всё больше молчал. Потом навестил местное кладбище, поклонился могиле бригадира Рощина. И навсегда покинул этот солончаковый край. Нет, не приглубила его чужбина. Горьким оказался запах цветущего инжира. Пора, пора было возвращаться в Россию, к её берёзам и снегам.

3

Много минуло зим и вёсен. Вместе с родителями Илья продолжал жить всё в том же двухэтажном коммунальном доме. Так что судьба его, как он ни жил, по большому счёту, ничем не отличалась от родительской. Слово по второму кругу пошла.

Правда, теперь семье Фоминых в квартире принадлежало две комнаты. После возвращения из Таджикистана Илья женился, и к отцовской комнате

со временем удалось присоединить ещё одну. На этом успехи его закончились. Дом, правда, давно планировали под снос, каждой семье обещали отдельную квартиру, но всё ограничивалось обещаниями и мечтами, которые уплыли в ту далёкую и прекрасную плакатную страну, где колосились кукурузные поля и сиял недостроенный коммунизм...

У них с Тамарой родился сын Николка. И как-то вдруг, незаметно из маленького ребятёнка вымахал здоровенный детина с растущими потребностями. После армии он вернулся в родительскую конуру и заявил, что хочет жениться. Ну, что ж тут такого? Жениться так жениться! Дело хорошее. Сыграли свадьбу, и вот в их тесный круг вошла румяная и бойкая сноха.

Со всею остротой возник “половой вопрос” — кому в какой комнате спать. По всему выходило, что либо Илье с Тамарой надо прекращать тесное супружеское общение, либо надо устанавливать график любовных утех в отдельной комнате. Родители Ильи, конечно, были не в счёт — их кровать уже давно отскрипела. В своей комнате они тихонько смотрели старенький телевизор и жить молодым не мешали. Вдобавок выяснилось, что к трём поколениям Фоминых скоро прибавится четвёртое.

И вот раздался звонок нового человечка, заявив, что и ему тоже принадлежит часть этой тесной жилплощади.

Четыре поколения семьи в двух комнатах. Редкое по нынешним временам явление. Хотя, с другой стороны, успокаивал себя Илья, может, это даже не так и плохо — все под одной крышей. И забота, и помощь, и общение — всё тут, рядом. Только площадь бы побольше...

Первой не выдержала Тамара. Однажды, когда все стали расстилать свои кровати, готовясь ко сну, она кивком головы пригласила Илью выйти на кухню. Уселась за стол, накрытый потёртой клеёнкой.

— Вот что, Илюша... — тихо сказала жена. — Нет у меня больше сил терпеть эту тесноту. Надо нам с тобой расставаться, — выговорила она через силу.

Лицо у Ильи мгновенно изменилось.

— Ты серьёзно? — спросил он, немало озадаченный.

Тамара посмотрела на него грустно и вздохнула.

— Куда уж серьёзнее, — ответила она и запнулась.

— Другого нашла? — спросил он вдруг.

— У тебя всё одно на уме, — сказала жена в сердцах. — К маме ухажу. Она всё знает.

— Это она тебя надоумила? — Илья грохнул по столу кулаком.

— Да не шуми ты, — урезонила она его. — Я сама приняла такое решение. Жить в этом клоповнике уже никаких сил нету.

Илья глядел на жену, такую домашнюю, привычную, с оплывшей фигурой в уютном халате, со знакомой причёской подкрашенных хною волос — и не узнавал её. Откуда эта горечь? Откуда эта усталость?

— Ты, Илюша, погляди вокруг, — продолжала говорить жена. — Както люди ведь устраиваются. Кто торгует, кто в Турцию за шмотками ездит. А ты... Всё в своих грядках копаешься, как ребёночек в песке. А садовый участок жилья не заменит. Знаешь, как не хочется мне в собственной постели по графику спать. Так что завтра я ухожу, а ты — как знаешь. Коли я тебе нужна, всегда можешь меня найти, но только если будет куда пригласить. Домой, понимаешь? Домой, а не в коммуналку и не на “дачу” с удобствами во дворе. Вот всё, что я хотела тебе сказать.

— Ты всё хорошо продумала? — дрогнувшим голосом спросил Илья.

— Всё, — твёрдо сказала Тамара.

До утра Фомин просидел на кухне. Сна не было ни в одном глазу. Было душно. Будто пласт пльвуна обрушился и завалил его. Тамара была права: он напрасно прожил жизнь. И ему даже нечего оставить в наследство своим детям.

Жена действительно ушла из дому на следующий день. Илья не запил, как обычно это делают мужчины, которых оставляют жёны, а смиренно принял неожиданно свалившуюся на него холостяцкую жизнь. “Это не самый худший случай, — философски рассуждал он. — Если дом сгорит — тогда беда. А с этим жить можно...”

Почти всё лето Фомин жил на садовом участке. Сам, без помощи сына, выстроил приличный щитовой домик на кирпичном фундаменте, потом пристроил к нему большую веранду с одной стороны, затем ещё одну — с другой, после этого — вместительную кирпичную кухню с настоящей газовой плитой, работающей от автономного баллона. Летом здесь можно было жить даже в дождливую погоду. Перевёз из дома старенький диван, а чтоб совсем было уютно — выложил напротив маленькую печку-камин, причём переднюю стенку украсил нарядными разноцветными валунчиками.

Особой его гордостью была собранная из арматуры беседка, густо обсаженная виноградом. Летом она превращалась в настоящую зелёную комнату с живыми лиственными стенами. Над огромным столом с вбетонированными в землю металлическими ножками (чтоб не унесли, чего доброго, местные бомжи) Илья вешал фонарь с разноцветными стёклами и по вечерам предавался отдохновению и пил чай с дымком — из самовара.

Дачный участок оставался, наверное, единственной отрадой в жизни Фомина. В остальном радоваться было особенно нечему. Земельные заботы отвлекали от тоски.

Садовый участок приносил Фомину кое-какой доход. На рынок за овощами уж никогда не ходил! Даже наоборот — туда на продажу носил. С корзиной стоять не любил, а сдавал всё оптом торговцам.

В то утро он тоже собрал всего понемногу с грядок и поехал в город первым автобусом.

Через проволочную сетку-рабицу легко просматривалось пространство небольшого местного рынка. Прямо с тротуара, из-за ограды, можно было видеть краснощёких торговков в ярких цветастых платках, смуглых черноглазых джигитов, предлагающих местную зелень и экзотические фрукты. У самого входа, не заходя за ограду рынка, он продал свои овощи бойкой перекупщице и уже собирался было уходить, но в самый последний момент ему неожиданно захотелось оглянуться. И он оглянулся. И увидел женщину. Их было много на рынке, но его взгляд остановился только на ней. Женщина стояла у самой ограды и ловко привязывала к ручной тележке плотный мешок сахарного песка. Издали она показалась ему складной и даже красивой. Фомин, забыв обо всём, стоял и глядел на неё. А женщина между тем уже управилась с поклажей, распрямилась и, слегка наклонив тележку, покатила её к выходу. Будто за плугом пошла. И столько в этом движении было величавой красоты, что даже грубоватые торговки обернулись в её сторону. Но у ворот тележка вдруг накренилась, непослушно вырвалась из рук красавицы и вместе с мешком опрокинулась на землю. Илья заметил, как выскочило из-под рамы колесо и, петляя, покатило под прилавок. Судьба давала Илье маленький шанс. И Фомин, не раздумывая, поспешил на выручку. Быстро протиснулся, нагнулся к прилавку, обернулся с поднятым колесом к владельцу злополучной тележки. И обомлел.

— Лариса?!

— Ильф?!

— Лариска-артистка!..

Школьные прозвища выпрыгнули из памяти сами собой. Да, перед ним стояла его одноклассница, его первая любовь. Годы не прошли даром, легли паутинками морщин на дорогое лицо. Но внешне она почти не изменилась, всё та же яркая внешность. Сияли взбитые в копну рыжие волосы, сияли изумрудные глаза.

— Боже мой! Неужели это ты? — она всплеснула руками, забыв про свою поклажу. — Ну, это надо же: лет двадцать не виделись и встречаемся на рынке в драматический момент аварии! А ты всё такой же, только ёжик немного поседел. Не посмотришь, что у меня там за ДТП?

Илья повертел тележку.

— Мда... — кисло сказал он. — Перегруз получился. Гольми руками тут ничего не сделаешь. Инструмент нужен.

— Что же мне теперь делать с этой лихоманкой? — как в детстве, надула губы Лариса.

— Придётся вызывать спасательную службу, — пошутил Фомин.
— Ладно, Ильф, ты мне зубы-то не заговаривай. Ты лучше посоветуй, как мне с этим мешком управиться.

— Не смеши народ. Управится она... Ты где живёшь теперь?

— Там, где и раньше, — за станцией, — Лариса махнула рукой вдалёк. — Небось, давно дорогу забыл?

Илья с улыбкой взглянул на неё. Всё те же цвета майской травы глаза с еле заметной лукавинкой. Ах, Лариска! Всё-таки встретились! Вдруг вспомнил, как провожал её, совсем девчужку, по вечерам домой с репетиций народного театра. Как подолгу стояли в темноте у калитки, как целовались в дождь и капли текли по лбу и щекам... Всё это вдруг нахлынуло и вспомнилось так живо, будто было только вчера. Он нагнулся и стал отвязывать мешок.

— Ну вот, — он выпрямился. — Сейчас разделим труд. Я мешок понесу, а ты эту свою инвалидку-коляску. Идёт?

— Неудобно как-то... У тебя время-то есть?

— Ты лучше спроси, есть ли у меня силы. А время... Этого добра навалом.

Он вскинул мешок на плечо и легко, по-молодому, чуть согнувшись под тяжёлой ношей, зашагал к трамвайной остановке. А Лариса с благодарной улыбкой заспешила следом, волоча пострадавшую “лихоманку”.

5

Они долго ехали в стареньком громыхающем трамвае. В полуоткрытое окно сквозил летний ветерок. На поворотах вагон знакомо скрежетал и покачивался. А мимо плыл город, но они не смотрели за окно, а вдохновенно болтали, вспоминая прежние времена.

Чтобы попасть в посёлок, где жила Лариса, надо было перейти станционные пути по недавно выстроенному виадуку. Подниматься по переходному мосту было тяжело: ноги налились свинцом, сердце стучало о рёбра. Но Илья не остановился ни на одном пролёте: хотелось пофорсить, похвастаться своей силой.

Сразу же за мостом потянулись тихие, неширокие поселковые улочки с разноцветными верандами и палисадниками. Меж бревенчатых, поседевших от времени домов, словно островки, виднелись солнечные зелёные лужайки, поросшие бурьяном и широкими лопухами. Вдоль заборов высокими штабелями были уложены деревянные шпалы — атрибуты железнодорожной профессии хозяев. По-летнему пахло польнью и креозотом.

Солнце не скупилось. От спустившейся на посёлок жары благоухали сады, замерев в тяжёлой дымке.

— Давай присядем, что-то я умиралась, — Лариса опустилась на лавку у чужого забора и вытянула ноги. — Мы как-то за воспоминаниями о нынешних временах забыли. Как ты живёшь, где работаешь?

— Да на вертолётном, где же ещё! — отозвался Илья. — Один только завод и пытит, остальные разворовали, распродали.

Илья садиться не стал. Стоял рядом, поставив мешок на краешек скамейки.

— Эх, какое было производство! Наши машины Европа покупала. Ну, а потом, как везде, “реформы” начались. Выпускали всякую ерунду типа кухонных комбайнов, сказать стыдно... Вот только в последнее время заказы пошли, снова вертолёты выпускать стали, но прежние мощности не восстановлены. Да и восстановятся ли вообще? Бог знает...

За забором, почуяв людей, залаяла собака.

— А помнишь своё прозвище? Оправдала? — Илья нарочно вернулся к прежнему лёгкому разговору. — Я до сих пор, когда кино смотрю, всё в титрах твою фамилию высматриваю.

— Не стала я, Ильф, артисткой, — с грустью отозвалась Лариса.

— Что так? — вырвалось у Ильи. — Не приласкала Москва? Ведь ты самой красивой была в классе...

Она улыбнулась:

— А сейчас что — увяла?
— Да нет, — смутился Илья, — и сейчас хороша. Ты не изменилась. Всё румяней и белее...

— Нет, Ильфушка... Мечта моя не сбылась. И вообще — время моё давно ушло. Давнишня я, как говорила моя бабка, — уныло отозвалась Лариса.

— Да ладно тебе! Я когда сегодня тебя увидел, сразу подумал: вот это женщина!

Лариса улыбнулась, но промолчала.

— Ты-то как устроилась? — неожиданно заинтересовался Илья.

— Хорошо устроилась, — горько усмехнулась она. — Работаю на станции. Приёмосдатчицей.

— Ты?

— А что, не похоже?

— Не похоже. Я всегда думал, что у тебя особенная судьба будет. Ты извини, может, зря я спросил...

— Да ничего страшного, — успокоила его Лариса. — Мало ли кем мы в детстве мечтали быть... Это ты вспомнил, а я давно и думать забыла.

Илья всё-таки не удержался и спросил:

— А как в личном плане? Всё нормально?

— Ой, я тебя умоляю! — воскликнула она. — Как может быть нормально, коли сама волоку мешок? Одна живу, с сынулей.

— Ну, мешок, положим, я волоку, — уточнил Илья, улыбнувшись.

— Бедненький ты мой! — весело отозвалась Лариса. — Я так рада, что мы с тобой встретились. И не потому, что ты меня выручил, а просто рада встрече. Прямо на седьмом небе от счастья.

— Лучше на седьмом небе, чем на седьмом месяце, — пошутил Илья.

— А ты всё такой же шутник, — улыбнулась она ему. Лариса боялась, что он задаст главный вопрос. Но Илья молчал о былом. Чего прошлое ворошить? Уже почти вся жизнь за спиной.

— Ну, а ты как живёшь? — спросила она. — Дом построил?

— Да какой дом! — Илья придерживал поклажу рукой. — Обитаю всё в той же коммуналке. Всё, конечно, опостылело. Но куда деться? — Помолчал. — Видать, такая моя судьба. Вот я когда был мальцом, часто думал: интересно, каким всё будет в 2000 году? Доживу ли я до него? И вот дожил. И ты представляешь, мне кажется, ничего в стране не изменилось. Да, запускаем космические корабли с туристами, а люди как жили в лачугах, так и живут. Ты в своём древнем домишке, я — в коммуналке... Одним словом, Россия...

Собака за забором успокоилась.

— Семья, дети, всё нормально?

— Ты хотела сказать — жена, дети?

Лариса покраснела.

— Ну, в общем, да...

— Один я живу... Ну, в смысле, без жены. Сына вырастил, у него уже своя семья. А сам я холостяк, — хохотнул Илья, но смех у него получился надтреснутый.

Настало неловкое молчание. Ларисе стало жалко Илью, и, чтобы отвлечь его от грустных мыслей, она сказала:

— А я не забыла ваш муравейник. Помнишь тот день, когда ты первый раз пригласил меня к себе?

Илья наморщил лоб.

— Ну, тогда нам на лестничной площадке преградила дорогу ваша дворняжка, — напонила Лариса. — Ты меня ещё тогда успокаивал: “Не бойся её, это наша коммунальная собачка. Она добрая”. И правда, хорошая была псина. Мы потом с ней здорово подружились.

— Ещё бы не подружиться, если ты её куриными косточками подкармливала, — улыбнулся Илья.

— Как давно это было, — печально вздохнула Лариса и поднялась. — Ну что, последний бросок? А то ужарится мой сахар на солнце.

— И куда вам столько песку? — вздохнул Илья, поднимая мешок.

— Всё на варенье уходит, — деловито ответила Лариса. — Сад большой.

Одних яблонь сколько! Из яблок и пастилу, и сок, и варенье готовлю. Ну, ты же знаешь — в каждом домушке свои погребушки.

— Хозяйственная... — проворчал Илья.

Шутливо переругиваясь, пошли дальше. Было слышно, как на станции громыхали составы, меланхолично вздыхал маневровый тепловоз.

— Ну, вот и прибыли! — остановилась Лариса и распахнула перед Фоминым скрипучую калитку.

— Как у тебя насчёт собаки? Не схавает меня вместе с мешком?

— Да не бойся. Проходи.

Дому было сильно за сто лет. Обычный русский пятистенок в четыре окна по фасаду, почерневший от времени. На окнах — наличники с незатейливой резьбой, на карнизе по центру — проржавевшая табличка давно забытого страхового общества, пара ветхих кирпичных труб над четырёхскатной кровлей, слуховое окно от древности покосилось, и в раме его не хватало стёкол.

Тропинка к дому была вымощена крупными плитами “рваного” известняка, положенными на землю ещё, должно быть, первыми владельцами дома. В высокой траве паслись куры. Фомин у самого крыльца скинул мешок на траву. Куры всполошились и разбежались.

Втащили в полутёмные сени мешок и сломанную тележку.

— Ну, проходи в дом, коли в сени вошёл, — Лариса открыла потемневшую от времени дверь с медной ручкой.

— Здравствуйте... — В прихожей их встретил удивлённый молодой человек со спортивной сумкой через плечо.

— Это Стасюлька, сынуля мой. А это Илья... Сергеевич, мой одноклассник и старинный друг.

И Лариса в двух словах рассказала историю на рынке.

— Ма, ну, чего ты такая упрямая? — с некоторым раздражением сказал Стас. — Я же тебе обещал, что привезу. Тем более в двух шагах от нас стоит палатка. В ней твоего сахара, как песка морского! И чего тащиться на рынок?

— Да хотела побыстрее, да и оптом дешевле, — вздохнула мать.

— “Оптом”! — хмыкнул Стас. — Тоже мне “опт”! Ладно, проходите, что ли.

Вошли в комнату, сели у круглого стола на венские стулья. Стас внёс литровую банку с тёмным квасом и стакан.

— Угощайтесь!

— Спасибо. А можно, я всю банку выпью? — И Илья тут же в три глотка вынул весь квас. — Хороший, — крикнул он. — Изюмцем отдаёт.

— Домашний. Мамин рецепт, — улыбнулась Лариса. — И сюда, кстати, тоже сахар нужен.

— Ма! Ну чего, разве я мало зарабатываю? — возмутился Стас. — Что ты на всякой ерунде экономишь?

— Он у меня компьютерный гений, — с любовью посмотрела на сына Лариса. — Работает в Москве и комнату там снимает. А на выходные сюда приезжает. Со мной повидаться и на занятия с репетитором по немецкому.

— По немецкому? — удивился Илья. — Сейчас вроде все, кому не лень, английский изучают.

— У России с Германией самый крупный товарооборот, — сказал Стас, отметив про себя, что мать села не с ним рядом, а с гостем. — Фирма заинтересована в специалистах со знанием языка. Вот я его и учу, чтоб быть максимально полезным. И потом, вообще, немецкий — мой школьный, и немецкую культуру я люблю. А англиш никауда не денется — азы знаю, и этого пока достаточно. Так что в столице — перспектива.

— А если в армию возьмут? — спросил Фомин.

Мать с сыном переглянулись. Увидев на её лице улыбку, Стас сказал:

— А я от неё откупился. Вернее, деньги я заработал, а мама отдавала. Так что я — человек свободный.

— Как же можно без армии? — возразил Илья. — Она из пацана мужика делает.

— Легко! — быстро отозвался Стас.

— Ильф, если бы это была армия, — глаза Ларисы опечалились, увили. — Слезы одни материнские. Ты погляди на наше кладбище — одни могилки солдатские. Сколько их, бедолаг, в цинковых гробах возвращаются! И слово-то какое придумали — “груз-200”! Словно мусор какой-то... Во все времена и во всех странах отдают почести павшим за неделимость Отечества и даже ставят памятники. А у нас над ними глумятся...

— Это, конечно, так, — слабо согласился Фомин. — Но если так рассуждать, кто же станет Родину защищать? — мрачно поинтересовался он и взглянул на обоих, как на сообщников.

— Да бросьте, Илья Сергеевич! — отмахнулся Стас. — Родину наши прадеды защищали. Тогда было что защищать. Кричали: “За Родину, за Сталина!” — и шли на смерть. Тогда была великая страна, великая идея, был, наконец, вождь. Пусть он тиран и всё такое, но у него была харизма. За такого не жалко было и собой пожертвовать. А за кого сейчас в бой подниматься? За Чубайса? Ну, уж извините! Да и вообще, армия сейчас — обычная тюряга, и в ней не служат, а “срок мотают”. Как говорится, “служить бы рад”, но перед каким-нибудь уркой унижаться, задницу ему лизать, — нет уж, увольте!

Возникла неловкая пауза. Илья не знал, что возразить. В принципе, юноша был прав, но полностью согласиться с ним Фомин не мог. Он был твёрдо убеждён, что государство — это как твой дом, и его непременно должны защищать мужчины. Испокон веков было так. И другого он не приемлет. Но продолжать спор Илья не стал.

— Ну, ладно, приятно было познакомиться, — Стас встал. — Я же к репетитору опоздаю. До вечера, ма.

Лариса проводила сына, вернулась.

— Деловой он у тебя... — хмуро произнёс Фомин. — Мой сын не такой...

— Да уж, — согласилась Лариса. — Как сейчас говорят — “продвинутый”. Да и как не “продвинуться”? Воспитывать ему самому себя пришлось и семейные заботы самому на себе тащить. Прагматик. Но ты не думай: он порядочный человек. Страну свою любит, историю знает и при случае и за себя, и за других постоит.

Хозяйка встала, открыла буфет, вытащила штоф и два лафитника. Села рядом с Ильёй и разлила по рюмкам. Пряный аромат травяной настойки повеял над столом.

— Давай за встречу... — тихо сказала Лариса.

Илья выпил, огонёк весело побегал по жилам, а во рту остался аромат мяты и ещё каких-то душистых трав.

— А помнишь, как ты меня провожала в армию? Даже ревела... — вдруг напомнил он.

— Как не помнить... — вздохнула Лариса.

— А как ты думаешь: сложилась бы тогда наша жизнь? — серьёзно спросил он её.

— Не знаю, Ильф. — Лариса придвинулась к нему близко-близко. Фомин успел заметить, как дрогнули её губы. — И никто этого не может знать...

Илья увидел, что она плачет. Сердце у него дёрнулось, он прижал её к себе и стал перебирать в пальцах волнистые, мягкие волосы. А Лариса плакала, словно передавая ему всё невысказанное своё горе. Илья гладил её по голове и вдруг почувствовал тот самый запах духов, волнующий, памятный ещё с детства. И в глазах у него зашихло от слёз. Он принялся целовать её лицо.

— А слезинки у тебя сладкие, как ягоды... — шепнул он ей прямо в губы. — Не плачь... Представь, что нам снова по двадцать, ты дождалась меня из армии и впереди у нас с тобой целая жизнь.

— Ильфушка! Роденький мой! — она прижалась к нему.

Дневной свет, очень яркий, падал на их счастливые лица. Он обнял её за плечи, и они застыли, словно боясь нарушить это прикосновение. Потом Илья поднял её на руки, всю ослабевшую, и понёс в спальню, осторожно ступая по полосатым дотканым половикам. С ног её упали туфли, и она засмеялась. Тихо-тихо. Взволованно зашептала:

— Держи меня крепко. И никогда больше не выпускай. Видать, ещё сохранился свет нашей любви...

Он слушал её сладкую болтовню и нёс её, совсем не ощущая тяжести, не ощущая и своих немолодых лет. Казалось, действительно они снова молоды и впереди вся жизнь. Ему не хотелось выпускать её из рук, и он стал кружить, кружить её по беденькой, заставленной недорогой мебелью комнате. Он только сейчас понял, что все эти годы ждал и любил именно её, Ларису.

6

В маленькой спальне был полумрак; солнечный свет скрывали плотные шторы, но взгляд угадывал очертания старых вещей: стола перед окном, этажерки, больших старинных фотографий на стене... Таинственный космос родительской спальни вращался вокруг них, зачаровывая, уводя от реальности.

Илье вдруг почудилось, что они снова, как в юности, стоят у калитки, не в силах разнять сплетённых рук. И вдруг вспомнились сотни ласковых имён, которые он когда-то придумывал для Ларисы, и он шептал их, и целовал, целовал её. И огромная волна чувства подхватила и опрокинула их. Они плыли в этой неоглядной волне любовного жара, которая то возносила их в небо, то отпускала, и они летели вниз с замиранием сердца и перехваченным дыханием.

— Как хорошо мне, как сладко, — призналась Лариса. — Чувствуешь, как во мне кровь разыгралась?

— Чувствую, чувствую, — улыбнулся Илья, уже давно оценив, что за минувшие годы Лариса сполна освоила высокую науку любви. Перед ним была умелая, зрелая женщина. Чувственная и прекрасная. От той юной девчушки — угловатой и робкой — не осталось и следа.

Терпкая горечь пронзила Илью, горечь была на сердце, горечь была на губах — щемящая горечь поздней любви и безнадежно потерянного времени...

Ещё раз вздохнула горячая волна — и откатилась, оставив их обессиленными и звеняще-опустошёнными. Илья обнял Ларису и вздохнул — глубоко, со стоном.

— Что с тобой? — испугалась Лариса.

— Ты моя последняя любовь... — грустно отозвался Фомин.

— Врёшь, Ильф! — она ткнула его кулаком в грудь. — Я — твоя первая любовь!

Фомин помолчал.

— Конечно же, первая, — согласился он. — Только вот жаль, что встретились мы с тобой, когда жизнь, почитай, прошла...

— Слушай, скажи честно: тебе не стыдно узнать меня — такую?

— Какую?

— Подраненную... Избитую жизнью.

— Это я во всём виноват, — глухо произнес Илья. — Надо было жениться на тебе до армии. Родила бы сына, и всё бы у нас сложилось счастливо.

— Ну, что ты, Ильфушка... родненький... — Быстро перебила она его. — Никакой твоей вины нет. Это наша судьба такая. Главное — сейчас — друг друга не потерять... — И, увидев на его плече красную полосу, спросила: — А это что?

Скосив глаза, Илья взглянул на плечо.

— Видать, от мешка, натёр, — догадался он.

— Бедненький мой! Навьючила тебя, как верблюда. У меня была мысль такси взять... Но потом испугалась: а вдруг он останется? — Она прикоснулась кончиками пальцев к его плечу и погладила нежно-нежно.

А когда он курил, стряхивая пепел в ладонь, Лариса не отводила от него взгляда.

— Хорошо у тебя, — похвалил Илья, разглядывая чистенькую, уютную комнату. Встал и стряхнул пепел в горшок с цветами. — Спокойно. Стас у тебя хороший парень. Только очень поздно ты его родила.

— Не получалось раньше, — вздохнула Лариса. — Видимо, в лагере застудилась. Ты себе не представляешь, как я хотела ребёночка! Где только не лечилась! Видать, Бог услышал мои молитвы.

На мгновение стало тихо. Стучали на стене ходики.

— Обожди, чего ты мелешь? Какой лагерь? — спросил с удивлением Илья.

— А ты что? Разве не знаешь? — Лариса испуганно взглянула на него.

— Да откуда же?

— Вот дура! — вырвалось у неё. — Я думала, ты в курсе...

Илья смотрел на неё с нескрываемым интересом.

— Ты что, сидела в тюрьме? — искренне удивился он.

— Да... — вполголоса сказала она и села на постели.

— За что?

— Мужа убила, — произнесла Лариса и посмотрела ему прямо в глаза.

— Как же так случилось? — ледяным тоном спросил Илья.

— Бил он меня сильно, — словно оправдываясь, ответила она. — Всё попрекал московской пропиской. Вот во время одной ссоры я и проломила ему башку разделочным топориком. А потом пошла сдаваться. Ну, что ж, суд был, восемь лет мне дали. Я отсидела-то не всё, выпустили меня досрочно, хотя какое это теперь имеет значение? Жизнь кончена, сломана...

— Вот так судьба! — поразился Илья.

— Обычная у меня судьба, Ильфушка, самая обычная для провинциальной дуры. Приехала “столицу покорять”. Покорила... Связалась, смешно сказать, — с ветеринаром из “Мосфильма”. Наобещал мне с три короба, ну, я и купилась. Какие там “титры”! Так, пару раз снялась в массовке, тем всё и кончилось.

— Ну, а дальше что?

— А что дальше! Отсидела срок и вернулась в родительский дом. Но уже в пустой. Пока была в тюрьме, родители умерли. Потом через несколько лет познакомилась с одним... Поженились. От него-то и родила сына. Но и с ним жизнь не заладилась. Этот тоже попрекал, но уже тюрьмой. Какие только гадости про меня не сочинял! Выгнала его из дома от греха подальше... Была как-то мысль: сходить в школу на встречу выпускников. Чтоб тебя увидеть. А потом стыдно стало своей никчёмной жизни. Понимаешь?

Она подняла к нему свои прекрасные, полные слёз глаза. И сердце Ильи зашлось от жалости и от прежнего, живого, зовущего чувства.

— Это сколько же ты пережила! — Илья подошёл и сел рядом.

— Конечно, не сладко досталось, — кивнула головой Лариса. — Но во всём сама виновата. — Она сощурила глаза и словно перенеслась в те годы. — Другое мне жить не даёт. Ведь и отца, и мать без меня схоронили. Я волком тогда металась по зоне... Даже хотела руки на себя наложить, когда меня на похороны непустили. Это только в кино могут на день-другой из тюрьмы выпустить, а там — всё не так... Это я их убила, — она сделала ударение на “я”. — Сколько они из-за меня горя, сколько позора приняли! Какое сердце выдержит? Ведь как они меня отговаривали от Москвы! Не вбей я себе в голову эту артистическую блажь, дождись я тебя — всё было бы по-другому.

— Но видишь, мы снова вместе. От тюрьмы да от Ильи не зарекайся... Лариса хохотнула и, обхватив его за шею, крепко прижалась к нему.

— А почему ты меня не искал? — она мельком взглянула на стенные часы.

— Как бы я тебя нашёл? — высвободившись из её объятий, удивился Илья. — Во-первых, обиделся. Во-вторых, ты уехала, могла, если замуж вышла, фамилию поменять, — с горечью усмехнулся. — А потом, искать тебя по тюрьмам мне бы никогда и в голову не пришло...

— Я тебя испугала? Да?

— Да нет, что ты, — успокоил он её. — Просто в моей жизни тоже есть страница, которая вспоминается как кошмарный сон...

Ему внезапно почудился гул падающей породы. И так явственно, так страшно, что он вздрогнул всем телом.

— Ты что?

Илья повернулся к ней.

— Скажи, ты могла бы отрубить человеку ногу?

— Ты спятил?!

— Вот и я не смог...

И он рассказал ей тот шахтёрский случай, который, как тяжёлый осколок у сердца, навсегда остался в его памяти.

Лариса обняла его и встряхнула.

— Фомин, выбрось это из головы! Слышишь? Выбрось, я говорю! Ты ни в чём не виноват. Как это — отрубить ногу? Это бригадир мог крикнуть, потому что у него от боли и ужаса голова не соображала. Но ты-то должен понимать, что говоришь... Чем рубить? Лопатой? Каким-нибудь кайлом? У тебя был топор под рукой?

— Нет...

— Тогда чего ты душу себе рвёшь?

Она покачала головой и продолжала уже тише:

— Да если бы даже нашёлся топор, какой в этом прок? От первых же ударов твой бригадир потерял бы сознание от болевого шока и начал бы истекать кровью. Да и не успел бы ты ничего отрубить, вас обоих в этой лаве завалило бы.

Илья поднял голову.

— А что же мне с душой делать? Ведь помнит она и попрекает.

— Смирись. Мы вот с тобой сидим вместе. А могли бы и не сидеть. Ты вот думаешь, что жизнь у бригадира отнял, а на самом деле тебе Бог вторую жизнь подарил.

— А как я ею распорядился?..

— Ну, бестолково, что тут скажешь, — Лариса рассмеялась, улыбнулся и Илья. — Я тоже не исключение. Но ведь мы за это заплатили, разве не так? Иначе — зачем мы сегодня встретились? Нет, здесь есть какой-то смысл. И оправдание...

— А сегодня самая короткая ночь в году — праздник летнего солнцестояния, — сказал Илья, словно предлагая забыть о печальном. — Иван Купало — обливай кого попало!

— И не только обливать, — лукаво улыбнулась Лариса. — Мама рассказывала, что это единственный день, когда в старину разрешались свободные отношения между мужчинами и женщинами.

— Может, и у нас сегодня что-нибудь завяжется? Представляешь, через девять месяцев народится наш ребёночек! — Илья загорелся по-юношески. — У нас будут самые красивые дети!

— Ты с ума сошёл! — испугалась Лариса. — Вспомни, сколько нам лет! Хотя... я бы родила. Должна же быть какая-то высшая справедливость! Нет, ну, надо же, встретились...

Илья тронул её волосы.

— А можно, я у тебя сегодня останусь?

Лариса рассмеялась.

— Да кто тебя отпустит?! — и она повалила его на подушку.

— А как же Стас?

— Стас вечером в Москву уезжает. И потом, он к таким вещам относится спортивно. Нынешняя молодежь — без сантиментов. Да и не за горами уже время, когда он сам заведёт семью. Будут на лето ко мне с женой приезжать, на дачу, в мою развалюху.

— Ну почему же развалюху? Крепкий ещё дом. Пару венцов поменять, фундамент поправить... Всего делов-то.

Лариса скептически посмотрела на него.

— И кто же мне всё это сделает?

— А не догадываешься?

Но вдруг неожиданно в сенях послышались чьи-то шаги. Лариса мигом выскользнула из постели и, накинув халат, успокоила его:

— Ты лежи. Это Стасюлечка мой пришёл. Я его покормлю, соберу в Москву — и мигом назад.

Но лежать Илья не стал. Прошёлся по дому, осматривая хозяйским взглядом. За время этого обхода привычно скрипящие двери перестали скрипеть, как бы сама собой починилась электророзетка, стала как влитая отваливающаяся дверца шкафа, обрёл вторую жизнь безмолвствующий пылесос.

Лариса огляделась вокруг несколько растерянно и произнесла лукаво:

— Всё-таки мужик в доме — штука полезная...

А потом был вечер — сладкий и тихий. За окном жужжали, проносясь мимо, вечерние жуки, и в полумраке комнаты было светло от первых спелых звёзд, которые повисли за открытой форточкой. Лариса лежала рядом с Ильёй, положив голову ему на грудь, и ей казалось, что она забрела во сне в чужую, но добрую сказку. Ей не верилось, что она всё-таки дождалась своего счастья.

7

...Два дня Илья и Лариса были вместе. И лишь в понедельник, рано утром, Фомин засобирался.

— Надо мне, — словно оправдываясь, сказал он. — Грядки мои на даче посохли, наверно. А оттуда напрямиком на работу.

Лариса понимающе кивнула.

— Мы ещё увидимся? — осмелилась спросить она и затаила дыхание.

— Вечером вернусь, — твёрдо сказал Илья.

— Я теперь очень буду бояться старости. Так хочется побольше глотнуть своего счастья. Ты меня не бросишь? — испуганно спросила она.

— Глупенькая, да ведь и я тоже хочу попить своего счастья. И конечно, из твоего родничка, — успокоил он её.

Лариса вышла проводить Илью на крыльцо. Стояла босая, накинув на сорочку синюю узорчатую шаль. Утро было раннее — тёплое, ясное. Всё вокруг щедро зеленело. На траве блестела, переливалась не просохшая с ночи роса.

У калитки Фомин обернулся и крикнул:

— Я тебе сегодня вечером принесу новую тележку. Сам сделаю.

— Тихе, сумасшедший... Всю улицу перебудишь, — смущённо произнесла она и вся засветилась от радости.

8

Фомин шагал по безлюдной, ещё спящей улице. Сквозь густую листву разлапистых тополей слышалось, как диспетчер со станции с кем-то ругался по громкоговорящей связи. Сердце Ильи билось легко и ритмично, дышалось широко, полной грудью. Кругом не было ни души. Лишь он один на один со своим счастьем. Всё-таки встретил, встретил он свою Лариску! Пусть много времени упущено. Зато теперь он до самой старости будет с ней вместе. Это уж точно. Истинное счастье человека — в любви. Всё остальное — так, прилагательное...

Не дойдя до виадука, Фомин вдруг остановился. Увидел в станционном заборе знакомую дыру, через которую, сокращая путь, они в юности лазили с Ларисой. Увидел и поразился. Столько лет прошло, а забор всё тот же, и тот же пролом. Может, уже и сын Ларисы лазил через него с любимой девушкой... Илья свернул к знакомой тропе и, еле протиснувшись сквозь бетонное отверстие, пошёл напрямиком через широкую рельсовую геометрию. А далеко впереди, как радуга, висел над землёй переходной мост.

По-деловому шумел железнодорожный парк. Прямо перед Ильёй, дробно ударив автосцепками, тронулся с места длиннющий состав, запряжённый сильным локомотивом. Караван вагонов отправлялся в далёкий путь. Было хорошо слышно, как у какого-то вагона перестукивался с рельсом ползун.

С бледного утреннего неба уже исчезли и Медведицы, и Телец. На востоке раздвигалась малиновая заря. Ощупывая пальчиками лучей небесную твердь, медленно вставало рыжее солнце. Лёгкие розовые спицы-лучи, словно первые путевые обходчики, резво побежали по промасленным шпалам, по серебряной глади рельсов. Где-то далеко впереди пронзительный длинный свисток маневрового тепловоза известил о наступлении нового дня.

...Мимо Ильи мелькали вагоны. Он дождался, когда простучат колёса последнего, и торопливо пересёк освободившееся полотно. Вся станция была заставлена гружёными составами.

Дальше пришлось пролезать под пустыми цистернами и низкими платформами. Под крытым вагоном он зацепился, и ему обожгло спину. Он уже

пожалел, что решил совершить этот “марш-бросок”, но возвращаться назад теперь не было никакого смысла.

Когда осталось пересечь последний путь, Илья победно встал обеими ногами на рельс. В этом было что-то мальчишеское. Вдруг в механизме стрелочного перевода что-то угрожающе щёлкнуло. Илья, не удержав равновесия, соскользнул с рельса, но не упал. В этот же момент часть рельса стремительно отъехала в сторону, зажав ему левую ногу. Он ощутил жгучую боль, будто кто-то пытался перерубить ему ногу. Он дёрнул её, но, схваченная намертво двумя рельсами, нога ему больше не подчинялась.

Одновременно с болью он почувствовал страх, жуткий страх. Вокруг не было ни души. Будто все вымерли. Ни рабочих в жёлтых жилетках, ни проезжающих локомотивов. Только цепь вагонов кругом. Илья ещё несколько раз дёрнул ногу, отчётливо понимая, что без чьей-то помощи ему отсюда никогда не выбраться.

Впереди светились красным и зелёным светом низкие, словно карлики, железнодорожные светофоры. Словно чьи-то глаза смотрели на его подступающую смерть. Вдруг Илья увидел между шпалами кусок угля-антрацита, выпавшего из вагона. Он красиво, словно слюда, искрился на солнце. Мгновенно сверкнуло — лава, угольный штрек, обвал и... бригадир Рошин. Уже давно сгнили его кости в земле, а не отпускают Илью те полные ужаса глаза на чёрном лице.

Вцепившись в рельс, он попытался его раскатать, чтобы отвоевать хоть сантиметр своей жизни. Кровь обильно сочилась по ноге, заливая ботинок. От боли он едва не терял сознание. Испробовав всё, что было в его небогатом арсенале, Илья начал кричать. Он кричал долго, неистово, пока не охрип. Потом сник, заскулил по-щенячьи и заплакал. Надежды не было никакой...

Вспомнил о своём доме. Они ещё, наверное, спят, а тут заканчивается его жизнь, его судьба. “Мама!” — не закричал, а скорее завывал Илья, вспомнив, что в последний раз он так кричал тогда, в лаве. И вдруг сквозь боль отчётливо почувствовал, как задрожал рельс. Стальная нить ожила, чуть дрогнула, как живая. Фомин ещё раз нагнулся и вцепился в рельс. Но и на этот раз он его не осилил. Илья боялся смотреть вдаль, в сторону горловины станции, откуда должен был появиться состав. Ему чудилось, что тепловоз уже рядом. Он даже явственно почувствовал на себе его жуткое и горячее дизельное дыхание. Вот он сейчас налетит на него, раздавит, разнесёт вдребезги... В последнюю минуту мелькнула спасительная мысль: а может, лечь набок, подставив под колёса лишь ногу? Так поступают волки, попав в капкан: отгрызают ногу и отползают глубоко в лес, волоча за собой окровавленный обрубок... Так хотел поступить и Рошин. Любой ценой сохранить себе жизнь. Нет! Лучше всё одним разом! Кому он такой будет нужен? В голове помутилось.

“Вот и всё! — лихорадочно думал Илья. — Жизнь, молодость — для чего?! Смысла, смысла не было! И счастья не было. И теперь — только с Ларисой встретился, и вот... Смерть? За что?”

— За что, Господи?! — крикнул он в синее небо. — Если так — тогда стоило ли родиться?

И вдруг, словно из бездны, он услышал неясный шум. Вяло повернувшись, Илья увидел бегущего к нему человека. Тот что-то кричал в чёрное небо рации... В следующую секунду под металлическим колпаком стрелочного перевода звякнул звонок, опять что-то знакомо щёлкнуло, ударило... Остроносый рельс дрогнул и послушно, подчиняясь чьей-то воле, отодвинулся в своё прежнее положение. Илья рванул ступню из капкана, ступил ею на насыпь и тут же упал, вскрикнув от боли.

Визжа тормозами, сбрасывая скорость тепловоз, удерживая за спиной тяжеловесный состав. С него на ходу прыгнул один из машинистов и бежал к Илье. Благим матом орал оживший громкоговоритель, дёрнул автосцепками соседний состав... А Илья лежал ничком на насыпи, раскинув руки, уткнувшись лицом в колючий щебень. И лишь наручные часы да собственное сердце, как прежде, отстукивали время его жизни. Илья понимал: он спасён, он — жив. И главное — он будет жить! Ещё не вечер. А самое раннее утро.